

Карасукская проблема ?

С.В.Хаврин

"А кот все бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: "Это дом маркиза де Карабаса", "это мельница маркиза де Карабаса", "это сад маркиза де Карабаса". Король не мог надивиться богатствам, молодого маркиза".

Ш. Перро. Кот в сапогах.

"Обобщение всегда насилует над".

М. Шептунова. Безмятежность пессимистов.
Сеанс, 1992, № 7.

Любой археолог, впервые обратившийся к литературе, затрагивающей те или иные аспекты изучения карасукской культуры, будет немало озадачен: практически ни по одному вопросу у исследователей этой культуры нет более или менее единого мнения, в то время как, казалось бы, разрешить их чрезвычайно легко. Ведь инвентарь карасукской культуры невероятно обилен и ярок, и "типично карасукские" изделия (элементы, черты) можно найти на территории практически всей Евразии от Ближнего Востока и Центральной Европы до Приамурья и Кореи в памятниках культур второй половины II — первой половины I тыс. до н.э. (а если постараться, то и за этими пределами).

С другой стороны, возникает правомерный вопрос: что же это за сверхкультура, "типичные" предметы которой разбросаны на столь широких территориальных и хронологических просторах?

Карасукская культура, выделенная первоначально на территории Хакасо-минусинской котловины, в результате стараний исследователей в 1950-70-е годы разрослась до размеров "культурной и этнической общности", "общности культур карасукского типа", "карасукского мира". Сделано это было на основании сходства керамики, бронзового инвентаря и погребального обряда, и явно по образу и подобию выделения столь же широко раскинувшихся культурно-исторических общностей — андроновской, скифо-сарматской и т. п. [Грязнов, 1956: 36-37; Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968: 180-187; Мелентьев, 1975; Членова, 1972: 131-135; и т. д.].

Что касается погребального обряда и керамики, то тезис об их сходстве на степных и лесостепных просторах Евразии в эпоху поздней бронзы, обусловленном влиянием карасукской культуры, не выдержал испытания временем, и поток работ на эту тему в 1980—90-е годы иссяк. Нарастание же массива "карасукских" бронз продолжается. Карасукскими называют бронзовые находки из комплексов с территории Минусинской котловины, не являющиеся андроновскими с одной стороны и тагарскими с другой. Вторая категория — это бронзы, близкие по облику некоторым карасукским типам вещей и найденные в комплексах, так называемого, "карасукского времени" за пределами Хакасо-минусинской котловины. И, третья категория — это случайные находки (в основном, ножи) "похожие" на карасукские, то есть на предметы двух предыдущих групп. Сюда входят предметы, традиционно называемые "карасукскими", "классически карасукскими", "типично карасукскими" etc., несмотря на то, что они до сих пор так и не найдены в карасукских комплексах.

Понятно, что при таком объеме материала не представляет особого труда повернуть весь этот массив нужной гранью в нужную сторону и доказать любую, даже самую невероятную, теорию. Поэтому задача данной статьи — не создание очередной теории, а расчистка комплекса карасукских бронз от инокультурных напластований, попытка критического анализа всего того, что обрело наименование "карасукский" без достаточных на то оснований.

1. КАРАСУКСКИЕ КИНЖАЛЫ

Впервые выделенная С. А. Теплоуховым в конце 1930-х годов группа "карасукских" кинжалов [Теплоухов, 1929: 45, табл. 1.34], в дальнейшем пополнялась, но критерии, по которым те или иные кинжалы заносились в реестр "карасукских", или "классически карасукских", до сих пор не определены. В работе, специально посвященной изучению этой категории находок [Членова, 1976] отсутствует даже малейшая попытка обосновать объединение их в единую группу. Не вносит ясности и следующее определение: "Все кинжалы объединяют некоторые общие черты: все они чисто бронзовые (железных частей нет), перекрестье прямое (варьирует от небольших выступов-шипов до выраженного прямое» перекрестья); все они двулезвийны; ручка полая со щелью с перемычками на одной стороне или сплошная; навершия различные — грибовидная шляпка, кольцо или фигурка животного (в разных районах преобладают разные типы наверший)" [Членова 1990: 32]. Отсутствие жестких критериев привело к тому, что в единую группу сведены были кинжалы различных археологических культур и эпох.

Результатом такой типологической неопределенности стало возникновение «археологических парадоксов». Например, такого: в могиле 37 могильника Улангом V-III вв. до н.э. (Северо-восточная Монголия раскопки В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой) "найден карасукский кинжал 1 Минусинского типа", который «ближе к казахстанским и ордосским, чем к минусинским карасукским кинжалам» [Членова, 1993: 46]. Остается непонятным, почему же он в таком случае "Минусинский" и "карасукский", а не "ордосский", или "казахстанский", или "чандманьский"? Тем более, что, как известно, несмотря на интенсивные археологические раскопки в Минусинской котловине до сих пор не встречено в карасукских комплексах ни одного кинжала, в то время, как вне пределов культуры "карасукские" кинжалы найдены уже в достаточно большом количестве в хорошо датированных комплексах. Особенно много их на территории Китая в памятниках XIII-XI вв. до н.э. (Чаодаогоу и Линьчжэюй в пр. Хэбэй; Цаоцзяюань, Цинь и Гаохун в пр. Шэньси, Цюйтоуцунь в пр. Шэньси, etc). Такое положение вещей не позволяет согласиться с точкой зрения Н.Л. Членовой о том, что «кинжалы для Китая эпохи бронзы — редкое оружие. В эпоху Инь XII-XI вв. до н.э. — их нет совсем» [Членова, 1991: 31]. Этот вывод делается ею лишь на основании того факта, что в состав одного из вышеперечисленных комплексов (Линьчжэюй), наряду с типичными позднеиньскими вещами, входят «бронзовые навершия с прорезными круглыми бубенчиками напоминающими (выделено мной – С.Х.) бубенчики-навершия из Келермеса», из Корсуково (VII—VI вв., до н.э.) и иранские (которые появляются "на рубеже II—I тыс. до н.э.), но особого расцвета достигли в VIII—VII вв. до н.э."). Это, на ее взгляд, является достаточным основанием, чтобы предположить: «Весьма вероятно, что бубенчики-навершия северокитайских кинжалов восходят к Ирану» и, таким образом, все комплексы из Китая с «карасукскими» кинжалами относятся не ранее чем к VIII в. до н.э. [Членова, 1991: 40]. Слова – «весьма вероятно» – не самый лучший аргумент и, если следовать логике Н.Л. Членовой, то к Ирану «восходят» и бубенчики-навершия китайских «карасукских» булавок, ножей и ПННов, что не соответствует истине, хотя бы потому что именно такие ПНН и булавки найдены в могиле Фу Хао, одной из жен иньского вана У-дина, сооруженной никак не позднее середины XII в. до н.э. [Раскопки..., 1977;

Могила Фу Хао..., 1980; Варенов, 1985: 164; Кожин, 1990: 45-48], а изделия с такими навершиями достаточно часто встречаются на памятниках иньского и раннезападночжоуского времени [Линь Юнь, 1990: 31-35, 38-39; Комиссаров, 1985а: 176; Kovalev, 1992].

Подобные искусственные «археологические парадоксы» неизбежно будут множиться, пока основанием для датировки комплекса или археологической культуры будет являться "похожесть" отдельного предмета или его детали.

Подробно останавливаться на китайских комплексах, с кинжалами нет необходимости, поскольку им посвящена весьма интересная работа А.А. Ковалева, в которой выявлена связь некоторых типов так называемых «карасукских» кинжалов с определенными археологическими культурами Центральной Азии [Kovalev, 1992]. В результате проведенного им исследования выделены типы кинжалов, связанные с культурами Чаодаогуо (датируется XIII-XI вв. до н.э., распространена на севере провинций Шаньси, Хэбэй и на западе пр. Ляонин в Китае, рис. 1.1) и Наньшаньгэнь (VIII -VI вв. до н.э., на стыке пр. Хэбэй, Ляонин и автономного района Внутренняя Монголия, рис. 1.2-3) [Kovalev, 1992; Ковалев, 1986: 46-47]. Естественно, что не все комплексы с «карасукскими» кинжалами "удалось включить в какие-либо типологические общности. Основной массив кинжалов, найденных в Минусе, Ордосе, Забайкалье, Казахстане и Алтае, пока культурно не определен» [Kovalev 1992: 87]. Но уже достаточно ясно, что нет никаких оснований называть кинжалы эпохи поздней бронзы – раннего железа, не получившие пока культурной атрибуции, карасукскими.

2. КАРАСУКСКИЕ НОЖИ

Эта категория бронзовых находок не страдает от недостатка классификаций и типологических схем, разработанных как с использованием обычных методов исследования, так и с помощью методов математической статистики [Новгородова, 1970; Пяткин, 1967; Хлобыстина, 1961 и 1962; Членова, 1972]. И многие исследователи именно на основе типологии карасукских ножей выстраивают хронологию карасукских памятников. Но, как правило, типологический ряд строится, главным образом, на материалах случайных находок, а «вид типологического ряда зависит от априорных представлений исследователя» [Kovalev, 1992: 48]. К тому же, как и в случае с тагарскими ножами [Субботин, 1989: 125] имеется заметное различие между группами ножей из комплексов и из случайных находок. В результате такой ряд рано или поздно входит в противоречие с новыми археологическими фактами, и цель исследователя — снять противоречия, но не путем насилия над фактами, когда главной задачей становится вогнать их в узкие рамки своей теории.

Ярким примером попытки насильно подчинить факты теории, являются некоторые последние работы Н.Л. Членовой, которую не устраивают результаты археологических исследований в Китае, в частности, датировка комплекса бронз (главным образом, кинжалов и ножей) могильника Байфу началом-серединой эпохи Западное Чжоу (кон. XI-X вв. до н.э.), противоречащая ее тезису о переднеазиатских истоках культур «карасукского» и «скифо-сибирского» типа. В связи с этим она пытается ограничить время бытования вещей из Байфу VIII в. до н.э. путем поиска поздних аналогий отдельным их деталям. Суживающими дату комплекса по ее мнению являются: нож с навершием и виде головки птицы; костяной псалий с тремя отверстиями в двух плоскостях; "кубанские" шлемы; удила с кольцевидными окончаниями; каменный оселок с отверстием и наконечник копья с вырезом на втулке [Членова, 1990: 34; Членова, 1991: 33-39]. Необходимо рассмотреть эти категории находок подробнее.

1. **Нож с навершием в виде головки птицы** датируется Н.Л. Членовой по типу оформления ручки "с желобком и имитациями шляпок гвоздей и большим уступом", в Минусинской котловине "так оформлены ручки характерные для групп 10-12, из которых группа 10 датируется XI-VII вв., а группы 11-12 — VIII-VII вв. до н.э." и, потому нож из Байфу датирован VIII-VII вв. до н.э. [Членова, 1991: 34, рис. 4.7]. Во-первых, желобчатая рукоять имеется не только у ножей 10-12 групп, но и у ножей всех остальных групп [Членова, 1972: табл. 1-7]. Во-вторых, "имитации шляпок гвоздей" на рукояти трудно назвать характерной чертой карасукских ножей Минусинской котловины (известно всего 3 таких ножа, относящихся к разным группам см. Членова, 1972: табл. 7.2, 9.7, 19.29). В-третьих датировка ножей с "имитацией шляпок гвоздей" на рукояти XI-VII вв. обосновывается находкой такого ножа с зооморфным навершием в "Абаканском могильнике", а "в инвентарной книге Абаканского музея, в том же разделе «Погребения в пригороде Абакана — "Хакасия"», что и все другие вещи из Абаканского могильника, записаны... нож с «аркой на кронштейне», нож с глаголевидным навершием, ..., четырехгранное шило со шляпкой, без шейки..., но номер могилы не указан". На этом основании делается вывод "Все эти вещи... относятся к одному «предтагарскому» комплексу вещей" и датируются VII в. до н.э. [Членова, 1972: 53, 61] Но, так называемый, "Абаканский могильник" представляет из себя не единовременный и, даже не единый комплекс, а несколько могильников эпохи бронзы — раннего железа, раскопанных А.Н. Липским и В.П. Левашевой в 1945-51 гг. в различных районах г. Абакана и его пригороде. При этом нож с зооморфным навершием найден в погребении (с вполне известным номером) совершенном по карасукскому обряду и сопровождавшемся карасукской керамикой и инвентарем [Липский, 1956: 104-119]. И нет никаких оснований синхронизировать его с тагарскими вещами, а следовательно и относить ножи с "имитацией шляпок гвоздей" на рукояти к VIII-VII вв. до н.э. С гораздо большим основанием можно говорить о том, что нож из Абакана по типу навершия — в виде головы барана с определенным образом оформленными глазами и рогами — датируется XI-IX вв. до н.э. и, видимо, является импортом из северных районов Китая [Khavgin, 1992].

2. **Псалий с тремя отверстиями** в двух плоскостях имеет более широкий круг аналогий, чем предложенный исследовательницей. Он не ограничивается находками из Минусинской котловины, Забайкалья и кургана Чечелиевка на Украине [Членова, 1991: 34-35]. Достаточно большое количество таких псалиев найдено на территории Восточной Европы, где они датируются концом II тыс. – VII в. до н.э. [Бокий, Горбул, 1985: 225-226; Дубовская, 1978: 95-96, Козенкова, 1982: 28, табл. XX.6; Смирнов, 1961: 64-65; Степи..., 1969: 23-24, 27; Тереножкин, 1976: 156-157; Чередниченко, 1975: 79 и др.]. Точно также датируются и поселения на территории Западной Сибири и Средней Азии¹, на которых найдены псалии данного типа — Чуст, Дальверзин [Заднепровский, 1962: 35, рис 15; Древнейшие..., 1985: 193], Большой Лог, Еловка [Матющенко, 1974: 58-60, рис. 13.4, 30.7; Генинг и др, 1970: 44-47; Эпоха бронзы..., 1987: 295, рис. 114.28,30]. О появлении этих псалиев в Китае уже на раннем этапе Зап. Чжоу свидетельствует находка, сделанная в М. 3 могильника Лютайцзы в пр. Шаньдун [Раскопки западночжоуских..., 1985: 15-20, рис. 2.3]. Чрезвычайно важными для выяснения хронологии псалиев рассматриваемого типа являются раскопки карасукского поселения Торгажак и Аскизском районе Хакасии, где в закрытом комплексе совместно с псалиями рассматриваемого типа найдены псалии с тремя отверстиями в одной плоскости серпы-секачи сосново-мазинского типа и керамика с валиковым орнаментом [Савинов, 1991]. Это позволяет датировать весь комплекс XII-IX вв. до н.э.

[Аванесова, 1991: 92-95; Зданович, 1988: 149-151; Иванов, 1988: 102-104; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990: 121-122; Потемкина, 1985: 289 etc.].

Что же касается псаля из пос. Каменный Лог, о котором Н.Л. Членова сообщает, что он относится к другому типу (с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости), то это не совсем так, поскольку на этом памятнике были найдены псаля обоих типов [ГЭ, опись №№ 2399-6 и 2400-2] находящиеся в настоящее время на постоянной экспозиции Отдела археологии Восточной Европы и Сибири в Эрмитаже (зал 14, витрина 22).

3. **Удила** из Байфу, как считает Н.Л. Членова относятся к типу «однокольчатых» удил. Отмечая их своеобразие, она, тем не менее пишет, что китайские удила, как и сибирские и кавказские восходят к иранским удилам VIII в. до н.э. [Членова, 1991: 36]. На самом деле, удила из Байфу не просто своеобразны – они относятся к иному типу - восьмерковидных удил (рис. 1.5-6), а кольчатые удила (рис. 1.7-8), действительно, появляются в Китае лишь начиная с эпохи Чуньцю – кон. VIII-VI вв. до н.э. [Погребения..., 1982; Раскопки чэ-ма кэна..., 1988; Чуская могила..., 1982; Лю Дачжэнь, Чжу Цзяньтан..., 1981; etc.]. В западночжоуских памятниках найдены удила переходного типа [Западночжоуские..., 1987, рис. 1.3]. Относительно времени появления восьмерковидных удил единого мнения нет — возможно они появляются в Китае уже в иньскую эпоху (XIII-XI вв.), поскольку известна подобная находка из могильника а Западном районе Аньяна. С.А. Комиссаров отмечает, что факт этой находки «может свидетельствовать или о появлении металлических удил еще в иньское время, или же о наличии западночжоуских захоронений **раннего периода** (выделено мной – С. Х.), вкрапленных в иньский памятник» [Комиссаров, 1985: 105]. Такая осторожность в интерпретации фактов, делающая честь любому исследователю в трактовке Н.Л. Членовой, ссылающейся на приведенное высказывание, превращается в «это может быть и западночжоуским захоронением в иньском комплексе». Игнорирование слов о раннем периоде эпохи Западное Чжоу позволяет ей датировать удила из Байфу финалом Западного Чжоу [Членова, 1991: 36].

4. **Шлем кубанского типа.** По мнению Н.Л. Членовой, не подкрепленному доказательствами, а в значительной степени опирающемуся на сложившуюся традицию, китайские и кубанские шлемы происходят от ближневосточных, появившихся в IX-VIII вв. до н.э. [Членова, 1991: 36]. Однако подробный анализ всех находок этого типа, проведенный А.В. Вареновым, выявивший наличие на шлемах иньского и западночжоуского времени общих технологически важных деталей, а также привлечение им данных эпиграфики, позволили построить хорошо работающую схему типологического развития шлемов эпохи поздней бронзы – раннего железа, которая подтверждает раннезападночжоуский возраст шлема из Байфу [Варенов, 1984; Варенов, 1992].

5. **Копья с вырезом на втулке.** Передатировка их также основана на недоразумении, поскольку, ссылаясь уже на другую работу С.А. Комиссарова [Комиссаров, 1988: 69, рис. 53], Н.Л. Членова пишет, что эти копья – «типичные для периода Чуньцю (770 – 481 гг. до н.э.), что говорит о довольно поздней дате этого типа...» [Членова, 1991: 38]. Однако в работе, на которую делается ссылка, С. А. Комиссаров не делает подобного вывода. Напротив, он считает, что такие копья известны уже в раннезападночжоуское время [Комиссаров, 1988: 66-71, рис 49.1 и 50.1], а большое количество их в период Чуньцю (по сравнению с предшествующей эпохой) легко объясняется значительно меньшей распространенностью копий всех типов в эпоху Западное Чжоу.

6. **Каменный оселок с отверстием** — «это типичная вещь предскифской и раннескифской эпохи и Евразийских степях. В основном эти оселки распространены в VIII—VI вв. до н.э.» [Членова, 1991: 36]. Но из тезиса «в основном распространены» никак не следует, что оселок из Байфу также должен датироваться VIII-VI вв. до н.э. Ведь хорошо известны находки таких оселков из комплексов кон. II – нач. I тыс. до н.э. в Причерноморье [Шарафутдинова, 1982: 132, 144-151, рис. 27.2] и в Китае, начиная с эпохи Шан [Раскопки иньских..., 1991: рис. 14.2; Раскопки памятника..., 1987: рис. 12.14; Раскопки памятника..., 1988: рис. 9.3].

Таким образом, все рассмотренные выше предметы не дают никаких оснований для омоложения комплекса Байфу, а напротив подтверждают его датировку кон. XI-X вв., что не вписывается в схему типологического развития бронзовых ножей, разработанную Н.Л. Членовой. Коррективы в нее вносят и результаты исследования важнейшего в ее схеме памятника (самого древнего, по ее мнению, среди карасукских) – могильника Федоров улус (раск. А.Н. Липского 1951-54 гг.), датировка которого XIV—XIII вв. определяется находкой ножа самой ранней группы I [Членова, 1972: 17-19, 40-43, 49-50]. Во время раскопок И.П. Лазаретовым в 1989-90 гг. одной из могил этого памятника был найден нож позднего типа группы 7, который по той же схеме датируется IX или VIII вв. А «компактность могильника, незначительное число погребенных, однородность сопроводительного инвентаря свидетельствуют о кратковременности его функционирования и не дают оснований для деления комплекса па группы» [Лазаретов, 1992].

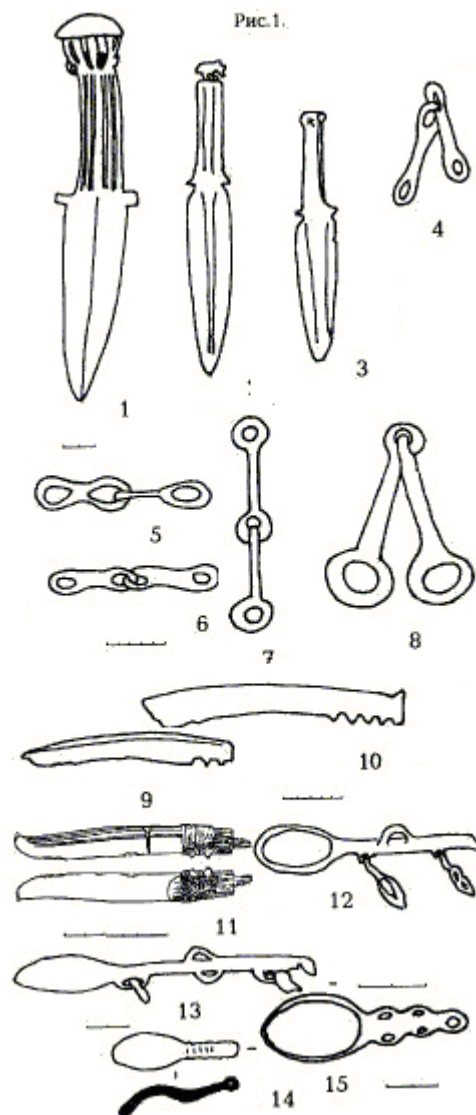
Поэтому типологическая схема развития карасукских ножей, разработанная Н.Л. Членовой, являясь хорошей классификацией, тем не менее, требует более взвешенной проработки вопросов датирования групп ножей.

Другой аспект, который необходимо рассмотреть – тезис о том, что «вещи карасукского типа доживают до V-II вв. до н.э.» [Членова, 1993: 65]. К таковым относятся бронзовые кинжалы (о правомерности соотнесения их с карасукской культурой см. выше), украшения (о них ниже) и шесть ножей из могильника Улангом, Алагаил III, Уландрык II, Узунтал I в Монголии и Горном Алтае [Членова, 1993: 31-54]. Из них к действительно карасукским можно отнести лишь два ножа (Улангом М.1; Узунтал I К.3), остальные относятся к группам ножей скифского времени. В том, что эти вещи найдены в столь поздних комплексах нет ничего необычного. Они вполне могли быть положены в могилу, например, как «антикварные предметы» [Новгородова, 1989: 274]. Столь малое количество находок по отношению к более чем 500 раскопанным только на территории Горного Алтай курганам VI—IV вв. до н.э. [Марсадалов, 1985: 11] не дает оснований для подтверждения тезиса Н.Л. Членовой. Карасукские бронзовые и керамические изделия найдены в раннетагарских комплексах — Райков улус, Туран II, Откнин улус и т.д. «Типично карасукский» нож обнаружен в Китае в комплексе, датируемом даже кон. II - I вв. до н.э. [У Энь, Чжу Кань, Ли Цзиньцен, 1990: 99-101, рис. 11.1].

Примеры подобного переживания вещей можно перечислять долго, достаточно вспомнить «громовые стрелы» средневековья и мизерикордию Бартлета Грина. И если бы современный погребальный обряд, не предусматривающий сопровождения погребенного инвентарем, за исключением минимального (в частности, в Хакасии в карман пиджака умершего мужчины кладут шариковую авторучку и купюру определенного достоинства), допускал бы размещение в могиле вещей, которыми он пользовался при жизни и необходимые в загробном мире, то в некоторых случаях (в Хакасии) таковыми бы были карасукские ножи. Ведь многим археологам, работающим в Хакасии, известны случаи современного использования карасукских ножей в качестве орудия или амулета, что обусловлено совершенством формы и великолепной сохранностью этих предметов.

В качестве еще одного свидетельства доживания вещей «карасукского типа» до V – II вв. предлагаются “обломки ножей”, у которых «сохранились клинки и уступы-гарды, типичные для карасукских ножей» [Членова, 1993: 60, рис. 29.23-24]. Но, на самом деле, они, во-первых, не являются обломками. Во-вторых, имеют не уступы-гарды (как это следует из текста и неверного рисунка), а шипы для крепления деревянной рукояти [рис 1.11; Раскопки могильника..., 1984: рис. 9.11-12]. В-третьих, таких ножей известно не два, а десятки, все они найдены на территории Северо-восточного Китая и Кореи и не известно ни одной находки к западу от Байкала (рис. 1.9-11).

Таким образом, никаких свидетельств о «массовом бытовании» карасукских вещей в посткарасукское время ножи не дают.

1 — кинжал культуры Чаодаогоу из Цаоцзяюань (пр. Шаньси); 2, 3 — кинжалы культуры Наньшаньгэнь из Наньшаньгэнь, 1958 (Внутренняя Монголия) и Свищево (близ Красноярска); 4 — 6 — восьмерковидные удила эпохи Зап. Чжоу из Юнниньбао NDM 4 (пр. Шаньси), Муопаньдун (пр. Цзянсу), Байфу (у. Чанпин, Пекин); 7 - 8 — кольчатые удила из Цзинцзячжуан М. 2 (пр. Ганьсу) и Шанма М. 3 (пр. Шаньси); 9 - 11 — ножи с шипами на рукояти культур круга "Верхнего слоя Сяцзядянь" — Ситуаньшань-Наньшаньгэнь из Наньшаньгэнь М. 102 (Внутренняя Монголия), Тумангана (Северная Корея), Чжоуцзяди М. 45 (Внутренняя Монголия); 12 - 13 — ложечки культуры Чаодаогоу из Цаоцзяюань и Шандунцзюнь (пр. Шаньси); 14 — ложечковидная подвеска культуры "Верхнего слоя Сяцзядянь" из Сюаньхуа (пр. Хэбэй); 15 — ложечка из Федорова улуса П. 8 (Хакасия).

3. КАРАСУКСКИЕ БРОНЗОВЫЕ УКРАШЕНИЯ.

Среди всей массы карасукских бронзовых украшений, найденных в памятниках карасукской культуры, здесь необходимо рассмотреть лишь некоторые, те, на основе которых делаются далеко идущие выводы, хотя никаких оснований для этого они не предоставляют.

Это височные кольца в 1 - 3 оборота, трубочки-пронизки и обоймочки, анализ распространения которых позволил Э.А. Новгородовой выделить культуры, ставшие компонентами карасукской [Новгородова, 1970: 116-143]. Эти же типы украшений, а также полушаровидные и многоярусные бляшки, согласно Н.Л. Членовой, являются «типично карасукскими» и находки таковых на памятниках V – II вв. до н.э. еще одно свидетельство массового бытования карасукских вещей на определенной территории в столь позднее время [Членова 1993, 55-65].

Но височные кольца указанного типа, трубочки-пронизки и обоймочки являются самыми древними типами бронзовых украшений, появляющимися уже в VII – IV тыс. до н.э. [Энеолит СССР: табл. LXII, Рындина, Яхонтова, 1985: 161-163, рис. 4.1]. Столь раннее появление и простота изготовления подобных изделий обусловили их широкое распространение в культурах Евразии не только в эпоху Бронзы, но и вплоть до этнографической современности. Это не позволяет их использовать в качестве аргумента при выявлении той или иной культурной традиции.

Что же касается полушаровидных и многоярусных бляшек, то в скифское время они найдены на памятниках практически по всей степной зоне Евразии, а не только района Забайкалья, Монголии и Северного Китая [см., например: Патрушев, Халиков, 1982: табл. 5.3; Колотухин, 1985: рис. 2; Литвинский, 1972; табл. 24, etc.].

В материалах культур эпохи поздней бронзы Забайкалья и Северного Китая достаточно частой категорией находок являются «ложечковидные подвески». По мнению Н.Л. Членовой, это карасукское украшение, «известное еще в самых ранних памятниках карасукской эпохи (улус Федоров...)» [Членова, 1993: 55]. Относительно датировки могильника Федоров Улус говорилось выше, что же касается "ложечковидной подвески" из погребения 8 этого могильника (рис. 1.15), то до сих пор она остается единственной находкой изделия данной типа в Хакасо-минусинской котловине. В Китае подобные украшения (?) известны в материалах культуры Чаодаогуо XIII-XI вв. [рис. 1.12-13; Ковалев, 1986; Ян Шаошунь, 1981: рис 22; Янь Цзиньчжу, 1985: рис. 3.3], а в скифское время ложечковидные подвески (к этому времени они утратили дополнительные петельки) распространены в Забайкалье (дворцовая культура) и Северном Китае (культуры Ситуаньшань и «Верхнего слоя Сяцзядянь»).

Даже, если не учитывать факт более раннего появления бронзовых ложечек в Северном Китае, то одно только соотношение количества этих находок (одна - в Южной Сибири, и десятки к востоку от Байкала) позволяют сделать однозначный вывод, что их происхождение нельзя связывать с карасукской культурой, а появление в Прибайкалье — результат контактов карасукцев с населением более восточных регионов (рис. 1.12-15).

аким образом, бронзовые украшения, как и кинжалы, и ножи, не являются свидетельствами долгого бытования вещей или традиций карасукской культуры.

Рассмотренные в данной статье материалы позволяют сделать следующие выводы.

1. Целый ряд предметов, за которыми в археологической культуре закрепилось наименование «карасукский» и т.п., на самом деле не являются

карасукскими. Часть из них (кинжалы, ножи с шипами для крепления рукояти, бронзовые ложечки и еще некоторые бронзовые изделия, не рассмотренные в данной статье) представляют изделия других культур (Чаодаогоу, Наньшаньгэнь, плиточных могил, "верхнего слоя Сяцзядянь" и т.д.) как карасукского, так и скифского времени. Другие (проволочные височные кольца, обоймочки, трубочки-пронизки, полушаровидные и многоярусные бляшки) распространены настолько широко, что говорить об их принадлежности об их принадлежности исключительно к карасукским неправомерно. Для удобства пользования терминами можно было бы сохранить наименование "карасукский", например, для кинжалов, но слишком часто исследователи интерпретируют факт нахождения такого предмета на памятнике как свидетельство распространения носителей карасукской культуры.

2. Типологически схемы развития кинжалов и карасукских ножей, разработанные Н.Л. Членовой, требуют пересмотра датировок выделенных групп, поскольку теории сложения и развития археологических культур, построенные на этих схемах входят в непримиримое противоречие с имеющимися в настоящее время фактами.

Осмысление данных выводов значительно сократит количество "археологических парадоксов", порождающих бесчисленные «карасукские проблемы».

---

¹ Некоторое удлинение датировки до VI – начала V вв., предлагаемое Ю.С. Гришиным для подобных псалиев из плиточных могил, основано на ошибочном отнесении к этой же группе псалиев иных, более поздних типов [Гришин, 1981: 128-129, рис. 42.11; Членова, 1972: табл. 60.11-13].

***

Аванесова Н.А. 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (По металлическим изделиям). Ташкент.

Бойкий Н.М., Горбул Г.П. 1985. Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области. СА - 4: 224-228. М.

Варенов А.В. 1984. Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья // Изв. СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. № 14, вып. 3:41-47. Новосибирск.

Варенов А.В. 1985. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири: 163-172. Новосибирск.

Варенов А.В. 1992. К проблеме китайско-кавказских контактов (на материале бронзовых шлемов) // Северная Евразия от древности до средневековья: 100-104. СПб.

Генинг и др. 1970. — Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: 12-51. Томск.

Гришин Ю.С. 1981. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.

Грязнов М.П. 1956. История древних племен Верхней Оби. МИА - 48. М. - Л.

Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А. 1968. Карасукская культура // История Сибири. Т. 1, гл. 4.4: 180-187. Л.

Древнейшие..., 1985. – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М.

Дубовская О.Р. 1978. Поселение эпохи поздней бронзы близ с. Провалья // Древние культуры Поволжья и Приуралья: 94 - 96. Куйбышев.

Заднепровский Ю.А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА-118. М.-Л.

Западнотюанские..., 1987. — Западнотюанские гробницы в Юннинбао у. Хундун пр. Шаньси. Вэньу – 2: 1-16, Пекин (на кит. яз.).

Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-казахстанских степей (периодизация и хронология). Свердловск.

Иванов Г.Е. 1988. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: 101 – 104. Барнаул

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.Е. 1990. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии к этнографии Южной Сибири: 104-128. Барнаул.

Ковалев А.А. 1986. "Карасукские" кинжалы, оленные камни и древние кочевники китайских летописей // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов. Т. 1: 46-47. М.

Кожин П.М. 1990. О хронологии иньских памятников Аньяна // Китай в эпоху древности: 45-56. Новосибирск.

Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ – В2-5. М.

Колотухин В.А. 1985. К вопросу о таврах и кизил-кобинской культуре. СА - 2: 34-47. М.

Комиссаров С.А. 1985. Археология Западного Чжоу (1027-770 гг. до н.э.) // Древние культуры Китая: Палеолит, неолит и эпоха металла: 86-111. Новосибирск.

Комиссаров С.А. 1985а. Раннечжоуские бронзы // Проблемы древних культур Сибири: 173-178. Новосибирск.

Комиссаров С.А. 1998. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск.

Лазаретов И.П. 1992. Новые материалы из могильника Федоров Улус // Северная Азия от древности до средневековья: 46-49. СПб.

Линь Юнь 1990. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и Северной зоны // Китай в эпоху древности: 29-45. Новосибирск.

Липский А.Н. 1956. Археологические раскопки в Хакасии. КСИИМК - 64: 116-129. М. Литвинский Б.А. 1972. Ранние кочевники «крыши мира». М.

Лю Дачжэнь, Чжу Цзяньтан 1981. Раскопки могилы эпохи чуньцю в Цзинцзячжуан у. Линтай пр. Ганьсу. Каогу – 4:298-301. Пекин (на кит. из).

Марсадолов Л.С. 1985. Хронология курганов Алтая (VIII – VI вв. до н.э.). Автореф. канд. диссертации. Л.

Матющенко В.И. 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. IV // Из истории Сибири-12. Томск.

Мелентьев А.В. 1975. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия. КСИА - 142: 39-43. М.

Могила Фу Хао... 1980. — Могила Фу Хао на иньском городище. Пекин (на кит. яз.)

Новгородова Э.А. 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.

Новгородова Э.А. 1989. Древняя Монголия. М.

Патрушев В.А., Халиков А.Х. 1982. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.

Погребения..., 1982 — Погребения эпохи чуенью в Цзюлидинь у. Шучэн пр. Аньхуй. Каогу сюэбао - 2: 229-242. Пекин (на кит. яз.)

Потёмкина Т.М. 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.

Пяткин Б.Н. 1967. Датировка карасукских изогнутых ножей // Известия лаборатории археологических исследований – 1: 53—59. Кемерово.

Раскопки западножоуских..., 1985. - Раскопки западножоуских гробниц в Лютайцзы у. Цзюян пр. Шаньдун (второй сезон). Вэнью – 12: 15-20 Пекин (на кит. яз.).

Раскопки иньских..., 1991. - Раскопки иньских гробниц в южном районе Мэйюаньчжуан в Аньяне осенью 1987 г. Каогу - 2: 125-142. Пекин (на кит. яз.).

Раскопки могильника..., 1984. - Раскопки могильника в Чжоудзяди аймак Аохань Внутренней Монголии. Каогу - 5: 417-426. Пекин (на кит. яз.).

Раскопки памятника..., 1987. - Раскопки памятника Дачай в Сяньфэн, пр. Шаньси Каогу – 7: 586-596, 652. Пекин (на кит. яз.).

Раскопки памятника..., 1988. - Раскопки памятника Синтала в Хэшо в Синцзяне. Каогу – 5: 399-407. Пекин (на кит. яз.).

Раскопки чэ-ма кэна..., 1988. Раскопки чэ-ма кэна № 3 могильника Шанма у. Хоума пр. Шаньси. Вэнью - 3: 35-49. Пекин (на кит. яз.).

Рындина Н.В., Яхонтова Л.К. 1985. Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии. СА – 2: 155-165. М.

Савинов Д.Г. 1991. Открытие карасукского поселения Торгажак в Хакасии // Древние культуры и археологические изыскания: 17-21. СПб.

Смирнов К.Ф. 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА- 1: 46-72. М.

Степи..., 1989. - Степи Европейской части СССР в скифо-сорматское время // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М.

Субботин А.В. 1989. Критерии оценки классификаций бронзовых тагарских ножей // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: 124-126. Красноярск.

Теплоухов С.А. 1929. Опыт классификации металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии, Т. IV, вып. 2. Л.

Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. Киев.

У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн 1990. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы у. Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности: 88-101. Новосибирск.

Хлобыстина М.Д. 1961. О происхождении минусинских коленчатых ножей // Сообщения Государственного Эрмитажа – XXI: 44-47 Л.

Хлобыстина М.Д. 1962. Бронзовые ножи минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.

Хлобыстина М.Д. 1970. Ранние минусинские кинжалы. СА – 4: 193-199.

Чередниченко Н.Н. 1975. Основные этапы развития конской узды Евразии в сер. II – нач. I тыс. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Часть 1: 79-80. Киев.

Членова Н.Л. 1972. Проблемы хронологии памятников карасукской культуры. МИА - 182. М.

Членова Н.Л. 1976. Карасукские кинжалы. М.

Членова Н.Л. 1990. Степь и лесостепь Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы и перехода к эпохе железа (Хронология памятников). Автореф. докт. диссертации. Новосибирск.

Членова Н.Л. 1991. Находки комплексов с кинжалами карасукского типа в Северных районах Китая, их датировка и связи с севером и западом // Международная ассоциация исследований культур Центральной Азии. М. вып. 18: 31-43.

Членова Н.Л. 1993. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе. ПАВ - 4: 31-72. СПб.

Чуская могила..., 1982. Чуская могила №1 в Тяньсиньгуань у. Цзянлин. Каогу сюэбао - 1: 71-116. Пекин (на кит.яз.).

Шарафутдинова И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев.

Энеолит СССР. 1983 // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. М.

Эпоха бронза ..., 1987. — Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. М.

Ян Цзиньчжу 1985. Шанские бронзы, найденные в у. Цзисянь пр. Шаньси. Каогу – 9: 848-849. Пекин (на кит.яз.)

Ян Шаошунь 1981. Шанские бронзы, найденные в Чуцзяю и Цаоцзиюань у. Шилоу пр. Шаньси. Вэньу – 8: 49-53. Пекин (на кит.яз.)

Khavin S. 1992. Component analysis of Karasuk culture bronzes // The International Academic Conference of Archaeological Cultures of the Northern Chinese Ancient Nations. Art. 27. Hohhot (на англ. яз.).

Kovalev A.A. 1992. "Karasuk-dolche", Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Band 50 // Maoqinggou. Mainz an Rhein: 46-87 (на нем. яз.).

S.V. Khavrin

On the Karasuk problem

The Karasuk culture was first distinguished in Khakasso-Minusinsk depression. The researchers of 1950-70-ies gave to it the titles of "the cultural and ethnic community", "the community of the cultures of Karasuk type", "the Karasuk world". These conclusions were made according to the similarity of the pottery, of the bronze inventory and of the funeral ritual. The researches leaned toward the singling out of so wide cultural and historical communities as Andronovskaya and Scythian-Sarmatian.

Despite the fact that the artificiality of such unification is getting more and more clear, the massive of Karasuk bronzes grows by the will of the researchers. The so-called "Karasuk", "Classical Karasuk", "typical Karasuk" and other artifacts are ascribed to the Karasuk culture only according to the tradition, but till nowadays none of them were found in Karasuk complexes.

The number of the material is very great and that massive can be easily turned to prove any, even fantastic, theory therefore in this article the author did not compose the new theory, but tried to distinguish the complex of Karasuk bronzes from the artifacts or other cultures, and to analyze all things, which now have a name of "Karasuk" without the slightest grounds.

For example, not with standing the number of articles, specially devoted to the "Karasuk" daggers, the criteria, up to which the daggers were attributed to "Karasuk" type, are not defined yet. As a result that name now have the daggers of different archaeological cultures and epochs (e. g.: the daggers of the North-Chinese cultures Chaodaogou of the 13th-9th centuries B.C. and Nanshangen of the 8th-6th centuries B.C. [Ковалев 1992]). But in the inventory of the thousands of graves and of some settlements of the Karasuk culture, excavated up to nowadays, there are no "Karasuk" daggers.

Not enough critical approach to the analysis of the archaeological materials and also the use as a dating reason of the complex or of the culture such criterion as a "resemblance" of the singular thing or of its detail led N.L. Tchlenova to the revealing of some "archaeological paradoxes" and chronological discoveries (e. g.: "in China the daggers of the Bronze Age are rare. None of them can be attributed to the Yin epoch of the 13th—11th centuries B.C." [Членова 1991: 31]).

The analysis of the material shows that there are not the slightest grounds to ascribe the daggers of the epoch of late Bronze Age — early Iron Age (which nowadays don't have the cultural attribution) to Karasuk or Karasuk-Tagar culture.

The main part of the researchers composed the Chronology of Karasuk artifacts according to the typology of Karasuk knives. To make the typological chain the modern researchers often use the materials of accidental finds. The character of that typological chain depends on the a priori ideas of the researcher. The new archaeological facts will sooner or later contradict that chain. The aim of the scientist is to liquidate the contradiction, but not to try to put all the facts into one narrow theory.

The last published works of N.L. Tchlenova [Членова 1990, 1991] are the examples of the attempt to subordinate by force the facts to the theory. Earlier she made the typological schemes of the development of Karasuk bronze (first of all of knives and daggers), and the theory of the Near East origin of the Karasuk and Scythian artifacts; nowadays she is trying to re-date the complexes, which are contradicting that idea. So famous Chinese complexes of the Yin and Western Chou epochs as Chaodaogou Baifu, Gaohung etc, she attributes to the 8th-7th centuries B.C.

In this article the author analyses all categories of the finds, which were used by N.L. Tchlenova as grounds for the re-dating of complexes. Obviously all materials prove the generally accepted date. The last excavations in Khakassia amend the typological chains of N.L. Tchlenova.

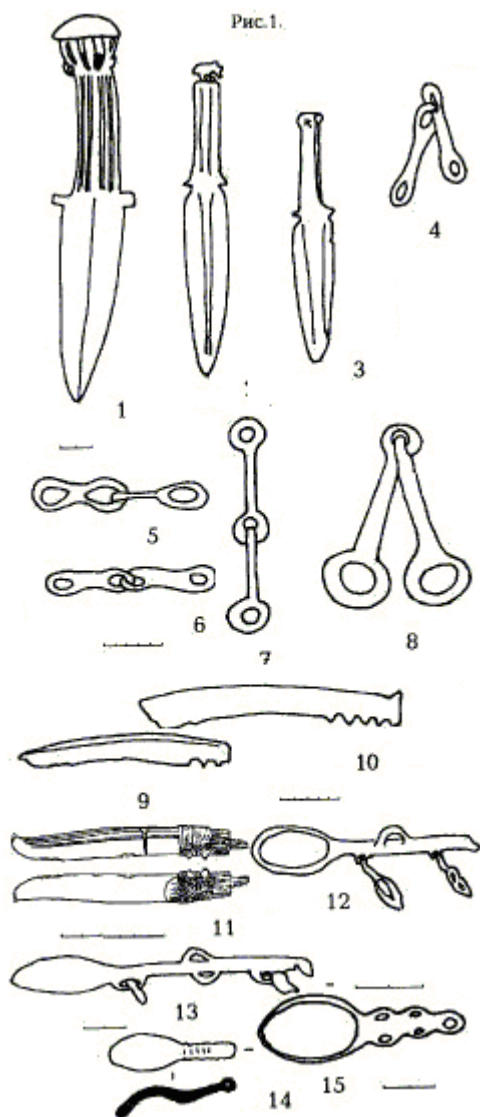
Another problem, considered in this article, is the idea of the possibility of the things of Karasuk type (and of the culture, inherited the Karasuk culture) to survive to the 5th—7th centuries B.C. (this thesis was propounded by the same author). But some of the artifacts, which were used by N.L. Tchlenova to prove her theory, had been never found in Karasuk sites, other were widespread territorially and chronologically. Some things are not typical for the Karasuk culture.

After the examination of the materials the conclusion should be made:

1. Many artifacts, which are usually named in archaeological literature "Karasuk" can't be ascribed to this culture. The part of them (daggers, knives with the studs to fasten the handle, spoons and other bronze things, which are not considered in this article) are the artifacts of other cultures (Chaodaogou Nanshangen, culture of slab Tombs, Upper Xiajiadian etc.) both of the Karasuk and of the Scythian time. Others (wire temporal rings, small tubes-awls, half-globe-shaped and many-layered badges) were so widespread, that they can't be attributed only to Karasuk culture. The author guesses that for the convenient use of the terms some types of articles, for example, daggers can be still named "Karasuk". But the researcher often interpret the fact of the finding of such an article as the evidence of the spreading of the Karasuk culture.

2. The dates of the selected groups in the typological schemes of the development of daggers and Karasuk knives, worked out by N.L. Tchlenova, should be revised, because the theories of the genesis and the development of archaeological cultures, formed according to that schemes, are in variance with the present facts.

3. The analysis of the author's conclusions can greatly reduce the number of "archaeological paradoxes", which generate the innumerable "Karasuk problems".

Fig. 1. Some examples of the bronze artifacts from Siberia and China:

1 — dagger of Chaodaogou culture from Caojiayuan (Shaanxi); 2, 3 — daggers of the Nanchangen culture from Nanshangen — 1958 (Inner Mongolia) and Svistchevo (Krasnoyarsk region); 4-6 — figure-of-eight-shaped horse-bits of the Western Chou epoch from Yungninbao NDM 4 (Shaanxi), Muopenduang 3 (Jingsu), from Baifu (Beijing); 7-8 — ring-shaped horse-bits from Cinjiachuang M. 2 (Gansu) and Shan'ma M. 3 (Shaanxi); 9-11 — knives with the studs on handle of the cultures of Upper Xiajiadian-Xituanshan-Nanshangen from Nanshangen M. 102 (Inner Mongolia), Tumangana (Northern Korea); Choujiadi M. 45 (Inner Mongolia); 12-13 — spoons of Chaodaogou culture from Caojiayuan and Shangdungtsun (Shaanxi); 14 — spoon-shaped pendant of the Upper Xiajiadian culture from Suanhua (Hebei); 15 — spoon from Fedorov ulus P.8 (Khakassia).